

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.1.141

Т.Н. ГРАНОВСКИЙ: ФАКТЫ И МИФЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ (статья первая)

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Цель статьи – на примере лекций российского историка-медиевиста Т.Н. Грановского, прочитанных в Московском университете в середине XIX в., рассмотреть возможность синтеза исторических фактов и мифов. С социокультурной точки зрения миф представлен как живой источник прошлого, помогающий погрузиться в изучаемую эпоху. В историческом повествовании Грановского обнаружена возможность гармоничного сочетания фактов и мифов. Сделан вывод о том, что столь разные источники не противоречат друг другу, а наоборот, взятые воедино, производят на выходе особый исследовательский эффект – симбиоз научно-критического и «живого» знания. Для наглядности в первой статье представлен исторический портрет Жанны д'Арк, вышедший из-под пера Грановского.

Ключевые слова: Т.Н. Грановский, история, культура, средневековая культура, исторический факт, миф.

Российский историк, профессор Московского университета Тимофей Николаевич Грановский (1813–1855) оставил нам важное интеллектуальное наследие: курс лекций по средневековой культуре. И вот уже почти два столетия эти тексты дают повод исследователям размышлять над концепцией «единого человечества» [6], оценивать возможности философско-исторического подхода к объяснению законов истории [1], типологизировать социальные и культурные следы прошлого [4], углубляться в истоки культурного диалога Запада и Востока [7], оценивать соотношение фактов и мифов в политической культуре Средневековья [8].

После окончания Санкт-Петербургского университета (1835) Грановский был командирован за границу для подготовки к званию профессора кафедры всеобщей истории. Во время стажировки в Берлинском университете Грановский, исходя из своих интересов, прослушал курс лекций ведущих профессоров. В их число вошли К. Риттер (география), Л. Ранке (новая история), К. Вердер (история новой философии), Э. Ганс (государственное право), Ф. Савиньи (историческая школа права), Ф. Раумер (история), А. Тренделенбург (логика) и другие. На таком широком академическом фоне выделились два мастера, оказавшие особое влияние на взгляды

ды Грановского, – это Леопольд фон Ранке и Карл Вердер. Первый демонстрировал «живые, поэтические взгляды на науку», второй – гегелевскую логику и метафизику [3, с. 471]. Благодаря Ранке Грановский стал воспринимать историю как процесс, охватывающий все культуры в едином потоке событий, а вслед за Вердером проникся пониманием значимости философии истории и пытался впоследствии, причем весьма небезуспешно, находить общие пересечения предмета философии истории и всеобщей истории.

После научной стажировки в Берлинском университете и самостоятельных поездок по городам Европы Грановский вернулся в Россию с уже готовым курсом лекций по истории западноевропейского Средневековья и стал читать его студентам Московского университета. Лекции Грановского по Средневековью, изложенные доказательным и одновременно образным языком, демонстрируют понимание истории как процесса взаимодействия политических, правовых, религиозных, хозяйственных и ментальных элементов развивающихся самобытных культур. Следуя принципам своей профессии, Грановский опирается на факты, т. е. на события и явления, зафиксированные, описанные и подтвержденные разными источниками. При этом одновременно автор использует в историческом повествовании так называемые следы «живого» знания, среди которых мифы, легенды, верования, переживания данного народа, рассказы очевидцев, индивидуальные судьбы, чувствительные темы отдельного народа или целой эпохи. В научном плане миф и свидетельство для историка не являются достоверными источниками, однако с социокультурной точки зрения они важны для погружения в эпоху, для понимания «чужой одушевленности» и поиска собственной идентичности [5].

Исходя из таких наблюдений, цель предстоящих двух статей – рассмотреть, как сочетаются в текстах Грановского факт и миф и какой исследовательский эффект приобретают такие столь разные источники на выходе. Для наглядности в первой статье проанализируем факты и мифы, вкрапленные Грановским в исторический портрет Жанны д'Арк, во второй статье в таком же ракурсе рассмотрим образ Карла Великого.

Грановский отмечает, что противоречивость сведений об Орлеанской деве стала наблюдаться сразу же в ходе искомым событий Столетней войны, достигнув своего апогея в XVIII в. Сначала Жанна д'Арк представлялась в сознании людей как реальное воплощение слухов о том, что Францию обязательно спасет непорочная дева. Затем ее стали считать колдуньей и обманщицей дофина Шарля, или, наоборот, простой пастушкой, запутавшейся в своих видениях и попавшей под влияние противников при дворе будущего короля. Наконец Вольтер, по мнению Грановского, своим поэтическим слогом «затемнил» ее образ «безнравственным произведением» [речь действительно идет о скабресном сочинении Вольтера «Орлеанская девственница», 1777 год – *авт.*] [2, с. 11]. Подобная контрастность мнений в оценке образа Жанны д'Арк сохранялась несколько веков: на од-

ной стороне – пророк, святая, библейский пастух, хранитель веры, на другой – слепое орудие придворных, колдунья, самозванка, еретик.

Некая позитивная определенность во взглядах исследователей стала проявляться только после выхода 5-томного сочинения Жюль Кишра «Процесс проклятия и оправдания Жанны д'Арк» (1841–1849). Французскому историку удалось собрать воедино большинство сохранившихся материалов следствия и составить комментарии к ним. Особую роль в реабилитации Орлеанской девы, на взгляд Грановского, сыграл еще один французский историк – Жюль Мишле. Популяризатор истории Жанны д'Арк скомпоновал ряд оценочных суждений в отношении ее личности и объяснил природу их появления. Первое суждение – она не была обманщицей или слепым орудием придворных интриг. Второе – ее появление на пике событий Столетней войны совпало с особым духовным настроением населения, уставшего от долгой войны [заметим, что впоследствии в исторической науке укрепится тезис «народ ждал героя» – *авт.*]. Третье и, возможно, самое главное соображение Мишле, по мнению Грановского, – к середине XV в. «общего энергического движения не заметно было ни в каком сословии»: рыцарство нравственно деградировало в бесконечных войнах; горожане погрузились в свои частные локальные заботы; духовенство примкнуло к англичанам; король готов был отказаться от коронации, а его приверженцы ощущали безнадежность ситуации. «И среди такого порядка вещей вдруг выступает девушка из крестьянского сословия – и выступает с мыслью освободить Францию. Можно сказать, в деве Орлеанской все сословия пришли к осознанию своего единства», – такими словами описывал Грановский Жанну д'Арк в качестве своеобразного магнита, собирающего французскую нацию воедино [2, с. 373].

Рассмотрим, какие именно факты вписаны Грановским в исторический портрет Жанны д'Арк? Очевидно, что с самого рождения девушка наблюдала бедствия войны – толпы поселенцев, спасающихся от врага, зарева пожаров, распри между жителями соседних деревень и городов. Подвергая сомнению распространенный в литературе рассказ о якобы личном свидании будущего короля Франции с девушкой из низкого сословия, Грановский все же признает, что это могло быть. До дофина доходили известия о мистической силе крестьянской дочери, поэтому он решил устроить ей проверку, выделив войско и отправив освободить осажденный англичанами Орлеан. После победы Жанна д'Арк приезжает в город Реймс, где по традиции того времени короновали монархов, и участвует в коронации Карла VII. Это событие Грановский описывает как подтвержденный факт [2, с. 12]. Кроме того, видно, что историк-медиевист доверяет записям суда инквизиции и переписке судей с теологами Парижского университета о том, какой вынести вердикт: подсудимая ведьма или еретик? «Процесс Орлеанской девы издан в наше время», – не без удовольствия отмечает Грановский [2, с. 11]. Как главный оплот веры, Парижский университет в XIV–XV вв. имел большую власть над деятельностью Собо-

ров и владел умами своих слушателей, число которых временами достигало тридцати тысяч человек. «Доколе не было книгопечатания, он должен был играть большую роль; идеи сообщались с кафедр; в число слушателей университета входили не одни любознательные юноши, но люди зрелых и преклонных лет, приходившие сюда знакомиться с новыми идеями», – такими мыслями объясняет Грановский тот факт, что Парижский университет стал главным экспертом церковной деятельности в целом и одной из финальных инстанций по вынесению вердикта о судьбе Жанны д'Арк в частности [2, с. 16].

Из текста лекций Грановского по средневековой культуре видно, что историк относился к мифологии как к «живому знанию», исходя из принципа «есть цельная картина, но мы ее не видим; нет цельной картины, но мы ее рисуем». Рассмотрим, какие мифические черты вкраплены в исторический портрет Жанны д'Арк. Во-первых, историк видит в действиях героини Столетней войны фатальные следы Провидения, согласно которым в юном возрасте судьба ей предназначала скорбеть о бедствиях своей страны и вдохновлять воинов на победу. Во-вторых, историк включает в свои лекции слухи и толки молвы об особых личностных свойствах Орлеанской девы – о живости ее ума, загадочности, женственности, способности сопереживать страданиям других людей, об умении воодушевлять их на победу. В-третьих, историк не подвергает критическому анализу рассказы очевидцев о том, как быстро разносилась по всей Франции слава о деве-спасительнице, а, наоборот, относится к ним с пониманием, объясняет появление таких известий готовностью людей верить в любое чудо на фоне усталости от долгой войны.

Показательно, что тот же симбиоз из достоверных фактов и «живых» источников наблюдается в текстах Грановского, когда он излагает страницы французской истории, следующие за подвигом Жанны д'Арк. Так, обоснованная фактологическая канва видна в изложении государственных деяний Карла VII. Монарх привел в порядок финансы государства благодаря введению регулярных отчетов – по аналогии с правилами, которыми руководствовались купеческие дома; подписал конкордат с католической церковью, ослабив влияние Папы Римского на французское духовенство; из массы наемников, оставшихся не у дел после Столетней войны, составил регулярную армию и для ее содержания ввел систему постоянных налогов; ослабил власть Парижского парламента, организовав работу еще одного муниципального округа – Тулузского; из тех же соображений основал целый ряд провинциальных университетов, чтобы погасить огонь знаниевого влияния Парижского университета.

На фоне фактических деяний Карла VII, зафиксированных и подтвержденных разными источниками, Грановский использует потенциальные возможности «живых» источников. Так, в тексты лекций историка попадают суждения об Орлеанской деве, несущие на себе флер народной молвы, например, «король был покорным исполнителем ее велений» или

король «проснулся от дремоты» [2, с. 12]. Излагая обстоятельства распри Карла VII со своим сыном, будущим королем Людвигом XI, Грановский считает нужным привести свидетельства очевидцев, рассказывающие о том, как король-отец умер от голода, «... он отказывался принимать пищу, опасаясь отравы от сына» [2, с. 17].

В изложении деятельности Людвига XI фактический материал так же, как и в истории с Карлом VII, гармонично соседствует с мифами. Сначала Грановский подробно перечисляет значительное собрание источников, в которых заложена информация об этом монархе. Среди имен – французский дипломат и историк Филипп де Коммин, французские историки Жюль Мишле и Анри-Жан Мартен, швейцарский экономист и историк Жан де Сисмонди. Затем в русле общепризнанных изложений Грановский рассказывает, с каким трудом, через длинную череду побед и поражений, король противостоял сложившимся ранее сильным центрам феодальной власти – Бретани, Бургундии, дому Валуа (Анжу, Мен, Прованс и Лотарингия), герцогам Бурбонским и другим французским династиям. Но наблюдениям Грановского, Людовиг XI оказался на гребне перелома средневековой политической культуры, когда противостояние феодалов и короля наблюдалось по всей Европе. В случае с Людвигом XI, по словам Грановского, «феодализм проиграл свое дело в споре с королем» [2, с. 374]. В итоге самостоятельность городов резко упала: король оставил среднему сословию свободу по ведению дел в промышленности и торговле, но отнял у городских общин институт выборных начальников.

На взгляд Грановского, Людовиг XI оказался типичным представителем политической власти своего времени, он органично вписался в галерею большей части государей, среди которых, например, Генрих VII в Англии или Фердинанд Католик в Испании. «Религиозных верований у них мало, зато они суеверны...» – такую характеристику дает средневековым правителям Грановский. И приводит примеры из жизни Людвига I, связанные с преданиями и мифами. Однажды, по свидетельству очевидцев, король подослал крепкого мясника выступить на рыцарском турнире в качестве незнакомого гостя и потом забавлялся, глядя из окна своего дворца, как тот страшно избивал своих противников [2, с. 18]. По другим слухам, памятуя, как в юности сам строил козни отцу, король удалил от двора малолетнего сына, будущего Карла VIII, «дав ему одну только книгу для воспитания», пишет Грановский [2, с. 27].

На примере лекций российского историка-медиевиста Т.Н. Грановского, прочитанных в Московском университете в середине XIX в., рассмотрена возможность синтеза исторических фактов и мифов. В историческом повествовании Грановского обнаружена возможность гармоничного сочетания фактов и мифов. Сделан вывод о том, что столь разные источники не противоречат друг другу, а наоборот, взятые воедино, производят на выходе особый исследовательский эффект – симбиоз научно-критического и «живого» знания. Завершая первую статью по теме

«Т.Н. Грановский: факты и мифы средневековой культуры», отметим, что высвечена двойственная позиция историка по отношению к фактологическим и «живым» источникам. В профессиональном отношении для историка Грановского миф и свидетельства очевидцев не являлись достоверными источниками, однако с социокультурной точки зрения они виделись важными для понимания атмосферы, в которую были погружены персонажи: в частности, Жанна д'Арк – в обстановку сражений с англичанами за сохранение независимости Франции, а Карл VII и Людвиг XI – в диспозицию войн с феодалами за единое государство и сохранение королевской власти. «Живые» источники у Грановского не искажают фактологическую канву исторического повествования, а делают ее более живой, занимательной, даже в какой-то мере узнаваемой, поскольку сознанию самих слушателей/читателей имманентно присущи иллюзорные надежды и ожидания.

Список литературы

1. Безлепкин Н.И. Философско-исторический дискурс всеобщей истории Т.Н. Грановского // Россия в глобальном мире. 2015. № 7 (30). С. 632–638.
2. Грановский Т.Н. Лекции по истории Средневековья / отв. ред. Е.В. Гутнова, С.С. Дмитриев. М.: Наука, 1986. 427 с.
3. Грановский Т.Н. Публичные чтения. Статьи. Письма / сост. А.А. Левандовский, Д.А. Цыганков. М.: РОССПЭН, 2010. 672 с.
4. Косарская Е.С. Социокультурная типология: предельные границы многофакторного анализа // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 24–30.
5. Михайлова Е.Е. А.С. Лаппо-Данилевский: социокультурное значение «живых» источников прошлого // Академик А.С. Лаппо-Данилевский в памяти научного сообщества. Сборник статей / отв. ред. В.В. Козловский, А.В. Малинов. СПб.: Интерсоцис, 2019. С. 179–194.
6. Репина Л.П. Концепция «единого человечества» и «общего прошлого» в интеллектуальном наследии русской исторической школы // Запад – Восток. 2019. № 12. С. 13–28.
7. Соболева Н.А. Н.И. Кареев об истоках культурного диалога Запада и Востока // Проблемы управления в социально-гуманитарных, экономических и технических системах. Десятый ежегодный сборник научн. трудов преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов факультета управления и социальных коммуникаций ТвГТУ, приуроченный к 100-летию вуза: в 2 ч. Тверь, 2022. С. 52–60.
8. Тогоева О.И. Короли и ведьмы: колдовство в политической культуре Западной Европы, XII–XVII вв. // Сер. Mediaevalia: Средневековье как историко-культурный феномен. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 328 с.

T.N. GRANOVSKY: FACTS AND MYTHS OF MEDIEVAL CULTURE

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

The purpose of the article is to consider the possibility of synthesizing historical facts and myths using the example of lectures by the Russian historian–medievalist T.N. Granovsky, delivered at Moscow University in the middle of the XIX century. From a sociocultural point of view, the myth is presented as a «living» source of the past, helping to immerse oneself in the era under study. Granovsky's historical narrative reveals the possibility of a harmonious combination of facts and myths. It is concluded that such different sources do not contradict each other, but, on the contrary, taken together, produce a special research effect at the output – a symbiosis of scientific-critical and «living» knowledge. For clarity, the first article presents a historical portrait of Jeanne d'Arc, which came from the pen of Granovsky.

Keywords: *T.N. Granovsky, history, culture, medieval culture, historical fact, myth.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии, истории и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

MIKHAILOVA Elena Evgenyevna – PhD (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.01.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 10.02.2024.